

Е. С. Гришин, Д. А. Крутов

**ПРИЕМЫ АТРИБУЦИИ КАРТОГРАФИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ
КАК ПРАКТИКА КАРТОГРАФИЧЕСКОГО ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ***

doi: 10.30759/1728-9718-2024-3(84)-125-133

УДК 930.2:912.4 ББК 63.2+26.17

Настоящая статья посвящена комплексной внешней и внутренней критике картографических источников, необходимой для эффективного проведения историко-картографических работ и создания исторических карт. Развитие картографического источниковедения необходимо для предотвращения абсолютизации пространственной информации на картах, которая не позволяет преодолеть научный уровень ее исполнителей. Формализованный язык описания в виде условных обозначений и наличие объясняющих их обязательных компонент позволяет говорить о карте как об особом источнике информации, который нуждается в разработанной методологической базе критического описания. В статье предпринимается попытка определить критерии отбора и области использования карт в качестве историко-картографических источников с точки зрения источниковедческой ценности, которая растет с повышением методического уровня исполнения картографических работ и увеличением изученности территории. Описаны базовые элементы для проведения внешней и внутренней оценки картографических источников, которые помогают определить характер их использования в рамках составления исторических карт. Комплексная критика картографических источников преимущественно производится на примере ретроспективного анализа изменения форм изображения рельефа и нулевого меридиана, которые помогают определить эпоху создаваемой карты, уровень развития картографии и приоритеты исполнителей. Сопоставление различных картографических элементов и знание контекста развития картографии позволяют историкам не только оценить степень оригинальности картографического источника, но и выявить объем заимствований и качество генерализации.

Ключевые слова: *картографический источник, картографическое источниковедение, историческая карта, внешняя и внутренняя критика, математическая основа, нулевой меридиан, формы изображения рельефа*

Общегеографические и тематические карты относятся к важной группе исторических источников, особенно в тех направлениях, которые касаются исторической географии, региональной и политической истории, а также в тех темах, которые сопровождаются историко-картографическими работами. Пренебрежение картографическими источниками или недостаточная их проработка существенно снижают уровень исследования. Даже если историк не обладает навыками картографирования и не ставит перед собой задачи по построению собственных авторских карт, он нуждается в навы-

ках по работе с картами как с особым классом источников, причем эти навыки заметно отличаются от приемов по обращению, например, к текстовым источникам. Так, необходимо уметь произвести обоснованный отбор используемых карт, осуществить их внутреннюю и внешнюю критику, извлечь необходимые сведения из содержания картографических материалов. Основные сложности этих операций мы и рассмотрим в настоящей статье.

Прежде всего, стоит определиться с тем, какие же картографические материалы могут быть отнесены к историческим источникам. Попробуем опереться на различие между историческим картографированием и построением карт других тематик. В общегеографическом и естественнонаучном картографировании карты предшествующих поколений являются попросту устаревшими: на них информация уже не актуальна, а методика требует обновления. Соответственно, картографы смотрят на них как на некий пережиток, который может быть использован для получения недостающих сведений или как исходник для построения обновленной карты. Совсем иначе обстоит дело у историков,

Гришин Евгений Сергеевич — с.н.с., Институт истории и археологии УрО РАН (г. Екатеринбург)
E-mail: bibliosof-info@yandex.ru

Крутов Дмитрий Андреевич — н.с., Институт истории и археологии УрО РАН (г. Екатеринбург)
E-mail: krutovdmityy999@gmail.com

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда, проект № 22-78-10159 «Картографические методы в исторических исследованиях: пространственная статистика, картирование границ, локализация археологических памятников» (рук. М. В. Михеев)

которые смотрят на карту прошлого времени как на источник сведений об изучаемом пространстве. Последняя формулировка, однако, не исчерпывает определения карты как источника и поэтому нуждается в уточнении, так как нарративный или описательный тексты также могут быть отнесены к источникам об изучаемом пространстве. Попробуем сформулировать определение карт как исторических источников на основе общегеографического определения К. А. Салищева с добавлением исторической специфики.¹

Историко-картографический источник — образно-знаковая модель исторического пространства, построенная в соответствии с математическими определениями и отражающая ситуацию, актуальную на момент ее построения. Ряд картографических материалов или источников могут быть отнесены к картам исключительно в жанровом отношении, но не в методическом. Это относится, например, к образцам античной и раннесредневековой картографии, различным чертежам и схемам, которые не удовлетворяют критериям полноценной карты. Подобные материалы, формально попадая в массив картографических источников, фактически образуют особые группы, которые в общем виде могут быть названы источниками с элементами картографической формы. Практический смысл разделения этих групп состоит в разности процедур по работе с ними: именно источники в форме полноценной карты чаще используются при проведении картосоставительных работ, к ним применимы геокодирование и совмещение с другими пространственными материалами; вторая группа источников с элементами картографической формы чаще представляет интерес для получения не столько пространственной, сколько атрибутивной информации (например, топонимических сведений). Что касается актуальности, этот критерий отделяет карты исторической тематики, то есть созданные другими историками, от тех карт, которые строились соответственно текущей обстановке.

Положение карт в системе исторических источников остается довольно неопределенным. Так, отнесение их к одной из групп изобразительных источников² не исчерпывает всех особенностей ретроспективной картогра-

фии. Карта не может считаться лишь особой формой изображения местности, так как многое ее роднит с текстом, в частности использование формализованного языка в виде символов и подписей, которые к тому же получают расшифровку своих значений в легенде. Кроме того, карта не только прямо в себе содержит текст в виде топонимов, но и часто сопровождается элементами зарамочного оформления, включая пояснения, таблицы и многое другое, что позволяет говорить о ней как о некоем комплексе различных форм подачи информации, в котором, конечно, доминирует пространственно-символьный язык.

В отношении термина «картографический источник» история и картография существенно расходятся. Если у историков источник — носитель информации о прошлом, то в картографической практике источниками называют любые графические и текстовые документы, используемые для составления карт.³ В исторической практике используемые для построения авторской исторической карты материалы определяются как исходные данные для проведения историко-картографических работ (например, в процессе составления исторического атласа).⁴

В продолжение темы разграничения понятий также важно внести ясность в использование терминов «старая карта» и «историческая карта» для описания картографических источников. В зарубежной⁵ и отечественной⁶ литературе часто встречаются примеры использования определения «старые карты» как синонимичного историко-картографическим

³ См.: Салищев К. А. Указ. соч. С. 194; Гараевская Л. С. Картография. М., 1971. С. 110.

⁴ Во многом по причине расхождения в использовании термина «картографический источник» в картографической и исторической практике в настоящей статье используется понятие «историко-картографический источник», которое отражает дисциплинарную специфику обращения к этому виду источника в рамках историко-картографических работ. Во избежание дальнейшей терминологической путаницы стоит добавить, что историко-картографический источник является частным видом всех картографических источников, поэтому в статье они не противопоставляются и используются в качестве синонимов, если речь не идет о картосоставительных работах. См.: Гришин Е. С., Крутов Д. А. Практика построения региональных комплексных исторических атласов // Историко-географический журнал. 2023. Т. 2, № 1. С. 44–59.

⁵ См.: Stephen E., Wiberley Jr. Editing Maps: A Method for Historical Cartography // The Journal of Interdisciplinary History. 1980. Vol. 10, № 3. P. 499.

⁶ См.: Гольденберг Л. А. Использование старых карт в географических и исторических исследованиях. М., 1980; Сотникова С. И. Источниковедение русских карт XVII — начала XX вв.: дис. ... докт. ист. наук. М., 1990; Постников А. В. Развитие картографии и вопросы использования старых карт. М., 1985.

¹ См.: Салищев К. А. Картоведение: учебник. М., 1990. С. 5.

² См.: Георгиева Н. Г. Классификация и полифункциональность исторических источников // Вестник РУДН. Серия: История России. 2016. Т. 15, № 1. С. 12.

источникам. «Старые карты» как бы противопоставляются «историческим картам»: первые относят к источникам, вторые определенно являются продуктом историографии. На наш взгляд, «старые карты» не являются удачной формулировкой для определения источников в виде карт. Если к картографическим источникам относятся Певтингеровы таблицы, Каталонская карта 1375 г., карты Ортелиуса, планы генерального межевания и топографические карты советского времени, то насколько корректно к ним в равной степени применять определение «старых карт»? Эта формулировка страдает как минимум хронологической неопределенностью, намекая на возможное выделение «древних карт» и других промежуточных групп.

В плане хронологической актуальности и пространственного охвата историко-картографические источники представляются довольно узкой группой: их комплексное использование становится возможным лишь со второй половины XVIII в., когда картографическая съемка европейских государств стала осуществляться системно и последовательно. Конечно, в предшествующие эпохи картография также фигурирует, однако территориальное и хронологическое покрытие остается в значительной степени неравномерным. Безусловно, и компасные карты (портуланы), и карты фламандской школы составляют важный массив источников, но они еще не образуют системы картографических работ, в которых карты одного масштаба взаимодействуют с другим и наращивают показатели картографической изученности. В любом случае, даже если иметь в виду картографию эпохи Возрождения, общий массив картографических источников демонстрирует явную неравномерность как по хронологии, так и в географии, особенно это касается крупномасштабного картографирования. Так, по схеме 1900 г. только Западная и Центральная Европа, Северная Америка, прибрежные территории Индии и других отдельных регионов были покрыты точными инструментальными съемками, остальные были охвачены лишь общими картами с меньшей детальностью.⁷ Это подводит нас к тому, что ретроспективная карта — сравнительно редкий вид источников, и историк чаще сталкивается с ситуацией дефицитности нужных

карт, чем с необходимостью их отбора. Тем не менее определенные принципы отбора должны быть сформулированы хотя бы для того, чтобы определить область применения картографического источника. Например, в каком случае картографический источник может быть использован для построения исторической карты? Очевидно, что не всякая карта далекого прошлого представляет ценность как ресурс по работе с исторической географией. Основным критерием отбора может служить потенциальный прирост информации об историческом пространстве: сообщает ли карта сведения, которые не могут быть получены из других источников. Так, Херефордская карта XIII в. содержит богатый материал для изучения мировоззренческих вопросов средневекового человека и его восприятия мира, но ее содержание едва ли даст приращение знаний о территории. Точно так же карта из учебного атласа, относящегося к Новому времени, является скорее источником по развитию географического знания и образования, чем по пространственным аспектам.

Самая распространенная ошибка при работе с картографическими источниками — их абсолютизация, т. е. отсутствие их критической оценки. Опасное заблуждение состоит в том, что при наличии аутентичной карты достаточно провести ее привязку и векторизацию, чтобы получить релевантную картину исторического пространства. В этом случае исследователь не дает критической оценки карты как источника и впадает в зависимость от научно-го и методологического уровня ее авторов.

Стоит отметить, что комплексная критика картографического источника — явление сравнительно редкое. Чаще она подменяется обычной описательной характеристикой карты, где основной упор делается на элементы внешней критики: происхождение, авторство, место хранения. В этом же русле развивается отечественное картографическое источниковедение.⁸ Однако работа с картами на уровне их каталогизации в архивах побуждала к более точной систематизации, предполагавшей наличие различных характеристик: хронологической атрибуции, тематической направленности.

⁷ См.: Зондерван Г. Географическая карта. Ее история, составление, воспроизведение. М., 1909.

⁸ См.: Медушевская О. М. Картографические источники XVII–XVIII веков. М., 1957; Она же. Картографические источники первой половины XIX века. М., 1959; Гольденберг Л. А. Малоизученные источники по истории картографии России первой половины XVIII в. (предварительное сообщение по материалам создаваемого Каталога геодезистов) // Проблемы исторической географии России. М., 1983. Вып. 3. С. 88–126.

Для получения сведений как пространственного, так и атрибутивного характера важно обращаться к первичным материалам, по которым составлялся картографический источник. К первичным материалам относятся таблицы астрономических пунктов и картографируемых объектов, описания маршрутных съемок, разнообразные текстовые примечания к картам. Стоит иметь в виду, что исходные данные отличаются повышенной точностью по сравнению с их представлением на полотне карты, так как при картографировании происходит известное упрощение и усреднение показателей. Первичные материалы в виде координатных таблиц особенно важны для привязки картографического источника и оценки географической изученности территории.

Хороший пример емкого описания картографического источника и анализа его исторического контекста представляет пояснительный текст к изданию карты Московской губернии 1711 г. Автор пояснения Л. С. Багров не только представил характеристику карты, но и разобрал вопросы с источниками ее построения и специфику некоторых содержательных моментов. Таким образом, комплексная оценка картографических источников выходит за рамки формального описания карты и с опорой на первоисточники включает в себя следующие элементы внутренней и внешней критики, на которые стоит обратить внимание исследователю при составлении собственной исторической карты.

Внешняя оценка (критика):

1. *Краткое название:* форма названия, которая позволяет без труда идентифицировать карту, например «Столистовая карта».

2. *Самоназвание:* название в том виде, в котором оно сформулировано в источнике без сокращений, например «Карманный почтовый атлас Российской империи, разделенной на губернии с показанием главных почтовых дорог».

3. *Автор(ы):* авторство помогает лучше идентифицировать источник; важно также отметить принадлежность авторов к ведомству, их должности, политические убеждения и социальные связи.⁹

4. *Дата издания, издательство:* позволяет определить степень оригинальности и точности карты (первое издание карты или доработанная версия).

5. *Период составления:* подразумевает период проведения съемок, камеральные работы над картой и период работ по ее изданию.

6. *Организация-исполнитель:* ведомство или организация, которые осуществляли работы по составлению карты; особенно это важно в отношении отраслевой специализации: военные структуры или академические картографы по-разному будут подходить к методике исполнения карты, отбору объектов, их атрибуции и дополнительной тематической нагрузке. То же самое касается организаций, которые занимались тематическим картографированием: геологических, почвенных, климатических и других карт.

7. *Тираж, распространенность копий.*

Внутренняя оценка (критика):

1. *Структура:* количество листов, дополнительные материалы, наличие сборного листа.

2. *Формат листа; площадь картографируемой территории.*

3. *Материал карты:* бумага, картон и т. д.

4. *Источники и преобладающая методика составления карты:* инструментальная съемка, маршрутная съемка, генерализация, перевод других карт, использование карт предшествующих поколений.

5. *Математическая основа карты:*

— показатель масштаба: рекомендуется проверить соответствие линейного и числового масштаба, если оба из них присутствуют на карте;

— вид масштаба: линейный, числовой, текстовый; количество линейных масштабов;

— проекция: при отсутствии данных о проекции она может быть определена с помощью расположения координатных линий;

— нулевой меридиан: какой меридиан служил началом отсчета долготы на карте;

— наличие и шаг градусной сетки, прочие сведения.

6. *Картографическая основа:*

— рельеф: наличие, форма отображения (художественная, перспективная, штриховка, отмывка, изолинии);

— гидрография: точность морфологии рек, наличие изобатов;

— населенные пункты: типология, нагрузка (плотность объектов); точность абсолютного и относительного расположения;

— административно-территориальное деление: наличие, уровни административного деления, хронологическая актуальность, точность морфологии границ;

⁹ См.: Постников А. В. Указ. соч. С. 17.

— пути сообщения: типология, совмещение с другими географическими объектами;

— дополнительная нагрузка: леса, пустыни, болота, солончаки, отмели.

7. *Характеристика используемых топонимов*: преобладающая топонимическая система, особые формы топонимов, наличие множественных топонимов.

8. *Тематическое наполнение*: объекты, которые фигурируют на карте помимо картографической основы: фортификации, ярмарки, церкви, мельницы и т. д.

9. *Характерные особенности семантики карты*, а также используемых шрифтов: условные обозначения и их стиль, используемые графические переменные и их семантику.

10. *Элементы зарамочного оформления*: условные обозначения (легенда), таблицы, списки, диаграммы, прочие дополнения.

Комплексное взаимодействие внешней и внутренней критики карты можно продемонстрировать на примере анализа форм изображения рельефа, которые выступают своеобразным индикатором эпохи создаваемой карты и уровня развития картографии.

К первой подобной форме относится *художественная форма отображения рельефа* — псевдоперспективное изображение гор и холмов. Подобный подход к отображению объектов на карте в целом был характерен для многих обозначений на портуланах и картах XVI–XVII вв., где рельеф был лишь частью общей массы сложных графических изображений, которые максимально пытались приблизить к виду картографируемых объектов в реальности. В этом отношении можно привести в пример карту О. Магнуса “Carta Marina” 1539 г. Для карт подобного рода характерен художественный подход к семантике в отображении практически всех объектов. Если прочие элементы карты со временем подвергались стилизации, то рельеф сравнительно долго отображался символами холмиков, изображаемых в профиль. Подобный способ, довольно наглядный в плане восприятия, имел ряд недостатков в отношении локализации и морфологии горных систем, водоразделов и прочих неровностей. Картографы пытались это исправить с помощью выстраивания из обозначений горных вершин своеобразных цепей, как это можно наблюдать на карте «Великого герцогства Финляндского» (Magnus Ducatus Finlandiae) Г. Горна 1662 г.

К середине XVIII в., по мере общего упрощения семантики географических карт и оживления элементов украшения карт, характерных для портуланов и картографии XVI в., получает распространение отрисовка рельефа в виде продольных гряд с боковым освещением, где склоны гор изображаются лучеобразно расходящимися штрихами (штриховое перспективное изображение рельефа). Первое подобное изображение рельефа отмечается на карте “Provincia Brisgonia” И. Баптиста 1718 г. Своеобразный переход от одной формы к другой можно наблюдать на карте театра военных действий в Северной Италии 1705 г., где рельеф сохраняет свое изометрическое изображение, но штриховое отображение склонов позволяет лучше передать морфологию хребтов и относительные превышения отдельных высот.

При *изометрическом изображении* рельеф отображается в виде горизонталей — линий равных отметок высот; отдельные точки рельефа наносятся на карту с указанием абсолютных показателей высот. Плотность изолиний указывает на крутизну склонов. Впервые были применены на карте Роттердама 1697 г., подготовленной П. Анселином в масштабе 1 : 2 550. Дно реки Маас показано изобатами со значениями глубин. Аналогичным образом были показаны река Мерведе на карте Крукиуса (1729 г.) и дно Ла-Манша (автор — Ф. Бюа, 1737 г.).¹⁰ В 1791 г. линии равных высот были использованы французским топографом Ж. Л. Дюпюэн-Триэлем.¹¹

При *гипсометрическом способе отображения рельефа* горизонтали служат границами различных ступеней рельефа, которые индицируют уровень высот цветовой закраской. Карта с гипсометрическим рельефом сопровождается цветовой шкалой, подразумевающей плавность переходов от одной ступени к другой и общий вид пластичности уровней высот.

Штриховое отображение с отвесным освещением показывает склоны с помощью частоты штриховых линий в зависимости от крутизны: более крутые склоны показываются темными, пологие — светлыми. Подобный способ, хорошо отображая крутизну рельефа, дает слабое представление о его абсолютных показателях, к тому же он требовал повышенного мастерства от исполнителя при нанесении

¹⁰ См.: Виноградов Н. В. Карты и атласы. М., Л., 1941. С. 55.

¹¹ См.: Браун Л. А. История географических карт. М., 2006. С. 440.

штрихов. Пологие склоны не получали достаточного графического отображения, а слишком крутые склоны сильно затемнялись. Использование этого подхода в тематических картах создавало трудности с чтением основного содержания, однако при этом позволяло совместить отображение рельефа с цветовой заливкой. Есть указания, что обозначение рельефа штрихами впервые было применено в 1674 г. на карте окрестностей Парижа (автор — Д. Вивье),¹² однако широкое распространение этот способ получил гораздо позже. Это снова подводит нас к мысли о том, что важен не столько сам факт первого применения того или иного картографического приема, сколько достаточность условий для его востребованности. Так, более точные формы подачи рельефа на карте нуждались в повышенном уровне картографической изученности, больших трудовых усилиях и аккуратности картографа. Штриховое отображение доминировало в топографических картах XVIII и большей части XIX в. Это позволяло передать общую морфологию без гипсометрии, для картографирования которой еще не было достаточного материала. Это не отменяло использования профилей в приложениях. Боковое освещение для лучшего отображения пластичности рельефа получил в XVIII в. во французской картографии, однако большее распространение этот подход получил после издания топографической карты Швейцарии Дюфура (1868 г.).¹³

В конце XVIII в. И. Г. Леманн предложил новый способ штриховки, который позволял отражать на карте углы местности. Интересно объяснение Г. Зондерваном приверженности картографов к формам отображения рельефа, которые отдавали предпочтение именно угловым величинам, а не абсолютным высотам: он видит в этом проявление приоритетов военных, для которых крутизна склона была важнее для решения прикладных задач (строительства фортификаций, логистики). Абсолютные отметки представляли интерес скорее для географов-исследователей.

Способ отмывки аналогичен способу штрихового отображения, однако вместо штрихов используются краски с различным уровнем затемнения. Отмывка может производиться при косом или отвесном освещении. Отмывка частично совмещается с другими способами передачи рельефа, например с изолиниями, или

дополняет основное тематическое содержание политических и административных карт.

Итак, форма отображения рельефа является маркером, который позволяет конкретизировать и уточнить ряд характеристик историко-картографического источника. В первую очередь это хронологическая атрибуция, уровень изученности территории, приоритеты исполнителя и принадлежность к той или иной картографической школе.

Схожим образом может быть произведена оценка других элементов содержания карты, включая общий подход автора к семантике. Преобладание художественных условных обозначений, а также включение в состав карты различных декоративных элементов, изображений, которые маскируют пустые пространства, характерны для карт XVI–XVII вв. Например, населенные пункты на картах этого периода обозначались изображениями крепостей, домиков, башен, церквей. Картограф тем самым старался передать вид объекта в реальности. Однако это усложняло как сам процесс картографирования, так и чтение карты, поскольку применение художественных знаков не позволяло проследить типологическую принадлежность объектов и их точную локализацию, так как изображения объектов трудно было правильно ориентировать относительно ближайших рек, дорог и береговых линий. Довольно типична в этом отношении «Карта Новой Португалии» 1700 г., на которой большая часть объектов, включая рельеф и леса, показана художественными средствами. Однако уже на ней наблюдается и новая тенденция — упрощение знаков, их стилизация под геометрические символы; по крайней мере, знаки придорожных деревень показаны небольшими круглыми пунсонами. На протяжении XVIII в. отказ от художественной семантики будет продолжаться до того момента, пока на картах практически все знаки не примут стилизованный вид. Соответственно, чем больше мы обнаруживаем на картографическом источнике реликтов в виде изоциренных графических изображений, тем к более ранним периодам развития картографии он может быть отнесен.

Еще один характерный элемент картографического источника, позволяющий произвести или подтвердить его хронологическую атрибуцию, — нулевой меридиан. Под нулевым меридианом подразумевается географический меридиан, используемый в качестве

¹² См.: Там же.

¹³ См.: Зондерван Г. Указ. соч. С. 54.

начала отсчета долготы. В настоящее время общепотребимым нулевым меридианом является Гринвичский, однако на протяжении истории развития картографии нулевые меридианы на картах демонстрируют заметное разнообразие от одного региона к другому. Так, в 1881 г. на топографических картах наблюдается использование 14 нулевых меридианов.¹⁴

Первым нулевым меридианом был определен в 1493 г., согласно папской булле, меридиан одного из Канарских островов — Ферро. В прикладной картографии одним из первых нулевых меридианов стал меридиан, проходящий через о. Фуэртевентура в составе Канарских островов; он использовался для отсчета долготы на глобусе Меркатора. Затем в качестве начала долгот использовались Азорские острова; в географическом атласе А. Ортелиуса 1570 г. — острова Зеленого мыса.

По мере развития картографии и возникновения картографических школ и традиций в отдельных государствах возникает целая серия национальных нулевых меридианов. Так, в 1633 г. по решению французского короля Людовика XIII этот меридиан был фактически привязан к Парижскому: его определили отстоящим от Парижа ровно на 20 градусов к западу. Тем самым устранялась проблема точного измерения долготы отдаленного острова. Относительно Гринвичского меридиана долгота Ферро составляет $17^{\circ}40'$ (17.663494). Сильные позиции французской картографии способствовали распространению меридиана Ферро в картографической практике других государств: он применялся на картах германских земель (кроме Баварии, где в качестве нулевого меридиана использовался Мюнхен) и владений Габсбургов, Норвегии и Швеции, а также Российской империи.

Стремление к унификации стандартов картографических работ и решению проблем с измерением времени подталкивало к идее единообразного для всех стран нулевого меридиана. В 1884 г. на международной конференции в Вашингтоне был рекомендован в качестве нулевого Гринвичский меридиан, однако его принятие не было обязательным.¹⁵ Выбор в пользу Гринвичского меридиана был сделан в силу соображений относительно часовых поясов. Это не отменяло, однако, что на рубеже XIX–XX вв. продолжалось использование отдельных национальных меридианов.

Содержание картографического источника в большей степени отражает прошлое территории, нежели ее актуальное состояние в год издания карты. Как бы быстро ни велись картографические и издательские работы, к моменту своей публикации карта уже устаревает, пусть даже в незначительных деталях. Съёмочные работы и непосредственное исследование местности занимали несколько лет. В XVIII в. одна лишь работа по определению координатных пар нужных точек требовала несколько месяцев. Добавим сюда также длительный период гравировки изображения карты и прочие процедуры по ее изданию. В итоге в реалиях Нового времени карта скорее транслировала прошлое, чем оперативно показывала совершающиеся изменения. Для исторических исследований это имеет даже некоторые преимущества, однако заставляет одновременно осторожнее относиться к оценке ее содержимого.

Эта ситуация станет понятней, если дать оценку тем источникам, на основе которых могла составляться карта, служащая для нас источником. Для наиболее приоритетных территорий могло производиться непосредственное изучение местности или доизучение, если по ней уже были какие-либо сведения. Другие участки могут быть заполнены путем генерализации карт более крупного масштаба. Наконец, для наименее обеспеченных информацией территорий картограф может использовать карты более ранних поколений, а также карты соседних территорий или переводные материалы. В итоге, обращаясь к сравнительно целостному и семантически однородному источнику в виде карты мы фактически вынуждены довериться обработке множества данных, различных по происхождению, уровню точности и методике исполнения. Причем оценить усредненную точность итогового материала будет сложно: на одних участках она может демонстрировать достойный результат, а на других наследовать ошибки и анахронизмы тех карт, которые служили ей в качестве источников. Самое досадное обстоятельство здесь состоит в том, что в подавляющем большинстве случаев методика построения карты и ее источники для нас остаются недоступными. В пояснительном тексте или предисловии на самом макете авторы могут сообщить всю информацию, которая относится к внешней критике, но сведения об исходных данных обычно в них не фигурируют.

¹⁴ См.: Браун Л. А. Указ. соч. С. 438.

¹⁵ См.: Витковский В. В. Топография. СПб., 1904. С. 17.

Исправить это положение можно частично с помощью сопоставления карт разных поколений, выявления в них общих и расходящихся элементов, особенно тех, которые содержат характерные неточности, ошибки, которые могли наследоваться от карт предшествующих поколений. Даже если не удастся вскрыть полную генеалогию интересующей нас карты, то сравнение с другими картографическими источниками позволит оценить степень ее оригинальности и объем того содержания, которое представляет собой заимствования или обобщения.

Все сказанное подводит нас к мысли, насколько зыбкой может быть кажущаяся конкретность и точность карты. Картографы крайне редко отражают в своих работах актуальную пространственную конфигурацию, сам язык картографии носит более конкретный и выраженный характер, чем текст: в последнем мы можем сделать оговорки в сторону предположений, допущений, отсутствия точных сведений. На картах прошлого этого нет: каждый участок границы и знак населенного пункта в равной степени выглядят определенными, независимо от того, насколько автор был точен в их локализации. Это, однако, не должно умалять значение историко-картографических источников. Действительно, работа с ними требует большей осторожности, чем обычно практикуется; чтение ретроспективных карт — особый навык, требующий внимательности к деталям. К тому же карты, по большому счету, являются единственной формой подачи пространственной информации в виде полноценной модели изучаемой территории. Главное не впадать в крайность абсолютизации карт, не расценивать их как носители безусловного знания, которое по умолчанию имеет приоритет над источниками всех прочих видов.

Evgeniy S. Grishin

Researcher, Institute of History and Archaeology, Ural Branch of the RAS (Russian, Ekaterinburg)
E-mail: bibliosof-info@yandex.ru

Dmitry A. Krutov

Researcher, Institute of History and Archaeology, Ural Branch of the RAS (Russian, Ekaterinburg)
E-mail: krutovdmitry999@gmail.com

Подведем некоторые итоги. Историко-картографический источник, несмотря на свой малоопределенный статус в группе изобразительных источников, обладает рядом признаков, которые позволяют конкретизировать его как особый тип источников. Карта не является совокупностью произвольных изображений, она оперирует формализованным языком в виде условных обозначений и надписей. Также ее формализация проявляется в структуре самой карты; здесь имеется в виду наличие обязательных элементов карты: масштаба, легенды, названия, рамки и координатной сетки. Реализация или вид этих компонент может варьироваться от одной карты к другой, однако все это зависит от задач и назначения конкретного картографического материала. Таким образом, карта как исторический источник по многим своим характеристикам приближается к документам официального происхождения.

Карты в своем развитии демонстрируют тенденцию к унификации, выравниванию своих основных элементов. Современные географические карты, составленные в разных государствах, мало отличаются друг от друга методикой и манерой исполнения, даже семантика карт имеет сравнительно однородный вид. Однако историко-картографические источники содержали ряд уникальных отличительных особенностей, которые позволяют уточнить их происхождение, произвести их качественную оценку и атрибутировать основные характеристики. Таким образом, разнообразие карт и несовпадение их отдельных элементов, принося неудобства в прошлом, позволяют историкам провести более глубокую внешнюю и внутреннюю критику историко-картографических источников и эффективнее их использовать в ходе своей работы.

ATTRIBUTION TECHNIQUES OF PRIMARY CARTOGRAPHIC SOURCES
AS A PRACTICE OF CARTOGRAPHIC SOURCE STUDIES

The article is devoted to a comprehensive external and internal criticism of primary cartographic sources necessary for the effective conduct of historical cartographic work and the creation of historical maps. The development of primary cartographic source studies is necessary in order to exclude the absolutization of spatial information on maps, which does not allow overcoming the scientific level of its performers. The formalized language of description in the form of symbols and

the presence of their required explanatory components entitles us to talk about the map as a special source of data medium and presentation of information, which needs a developed methodological basis for critical description. The article attempts to determine the selection criteria and areas of using maps as historical and primary cartographic sources through the prism of their source value, which increases with development of methodological level of cartographic work and growing knowledge of the territory. The basic elements for an external and internal assessment of primary cartographic sources are described, which help determine the nature of their use in the framework of creation the historical maps. The complex criticism of cartographic sources is mainly revealed by the example of a retrospective analysis of changes in the shape of the relief and the prime meridian, which help determine the period of the map being created, the level of cartography development and the creators' priorities. The comparison of various cartographic elements and knowledge of the context of cartography development allows historians not only to assess the degree of originality of the primary cartographic source, but also to identify the volume of borrowings and the quality of generalization.

Keywords: *primary cartographic source, primary cartographic source studies, historical map, external and internal criticism, mathematical basis, prime meridian, relief image forms*

REFERENCES

- Brown L. A. *Istoriya geograficheskikh kart* [The Story of Maps]. Moscow: ZAO Tsentrpoligraf Publ., 2006. (in Russ.).
- Garayevskaya L. S. *Kartografiya* [Cartography]. Moscow: Nedra Publ., 1971. (in Russ.).
- Georgieva N. G. [Classification and Multifunctionality of Historical Sources]. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Istoriya Rossii* [RUDN Journal of Russian History], 2016, vol. 15, no. 1, pp. 7–19. (in Russ.).
- Goldenberg L. A. *Ispol'zovaniye starykh kart v geograficheskikh i istoricheskikh issledovaniyakh* [Use of Old Maps in Geographical and Historical Research]. Moscow: MFGO Publ., 1980. (in Russ.).
- Goldenberg L. A. [Under-Studied Sources on the History of Cartography in Russia in the First Half of the 18th Century. (Preliminary Message Based on the Materials of the Catalog of Surveyors Being Created)]. *Problemy istoricheskoy geografii Rossii* [Problems of Historical Geography of Russia]. Moscow: Institut istorii SSSR AN SSSR Publ., 1983, vol. 3, pp. 88–126. (in Russ.).
- Grishin E. S., Krutov D. A. [The Practice of Composing Regional Complex Historical Atlases]. *Istoriko-geograficheskii zhurnal* [Historical Geography Journal], 2023, vol. 2, no. 1, pp. 44–59. DOI: 10.58529/2782-6511-2023-2-1-44-59 (in Russ.).
- Medushevskaya O. M. *Kartograficheskiye istochniki XVII–XVIII vekov* [Cartographic Sources of the 17th–18th Centuries]. Moscow: S. n., 1957. (in Russ.).
- Medushevskaya O. M. *Kartograficheskiye istochniki pervoy poloviny XIX veka* [Cartographic Sources of the First Half of the 19th Century]. Moscow: S. n., 1959. (in Russ.).
- Postnikov A. V. *Razvitiye kartografii i voprosy ispol'zovaniya starykh kart* [Development of Cartography and Issues of Using Old Maps]. Moscow: Nauka Publ., 1985. (in Russ.).
- Salishchev K. A. *Kartovedeniye: Uchebnik* [Cartography: Textbook]. Moscow: MGU Publ., 1990. (in Russ.).
- Sotnikova S. I. *Istoknikovedeniye russkikh kart XVII – nachala XX vv.: dokt. diss.* [Source Study of Russian Maps of the 17th – Early 20th Centuries: Diss. Doc.]. Moscow, 1990. (in Russ.).
- Stephen E., Wiberley Jr. Editing Maps: A Method for Historical Cartography. *The Journal of Interdisciplinary History*, 1980, vol. 10, no. 3, pp. 499–510. (in English).
- Vinogradov N. V. *Karty i atlasyy* [Maps and Atlases]. Moscow; Leningrad: AN SSSR Publ., 1941. (in Russ.).

Для цитирования: Гришин Е. С., Крутов Д. А. Приемы атрибуции картографических источников как практика картографического источниковедения // Уральский исторический вестник. 2024. № 3 (84). С. 125–133. DOI: 10.30759/1728-9718-2024-3 (84)-125-133.

For citation: Grishin E. S., Krutov D. A. Attribution Techniques of Primary Cartographic Sources as a Practice of Cartographic Source Studies // Ural Historical Journal, 2024, no. 3 (84), pp. 125–133. DOI: 10.30759/1728-9718-2024-3 (84)-125-133.